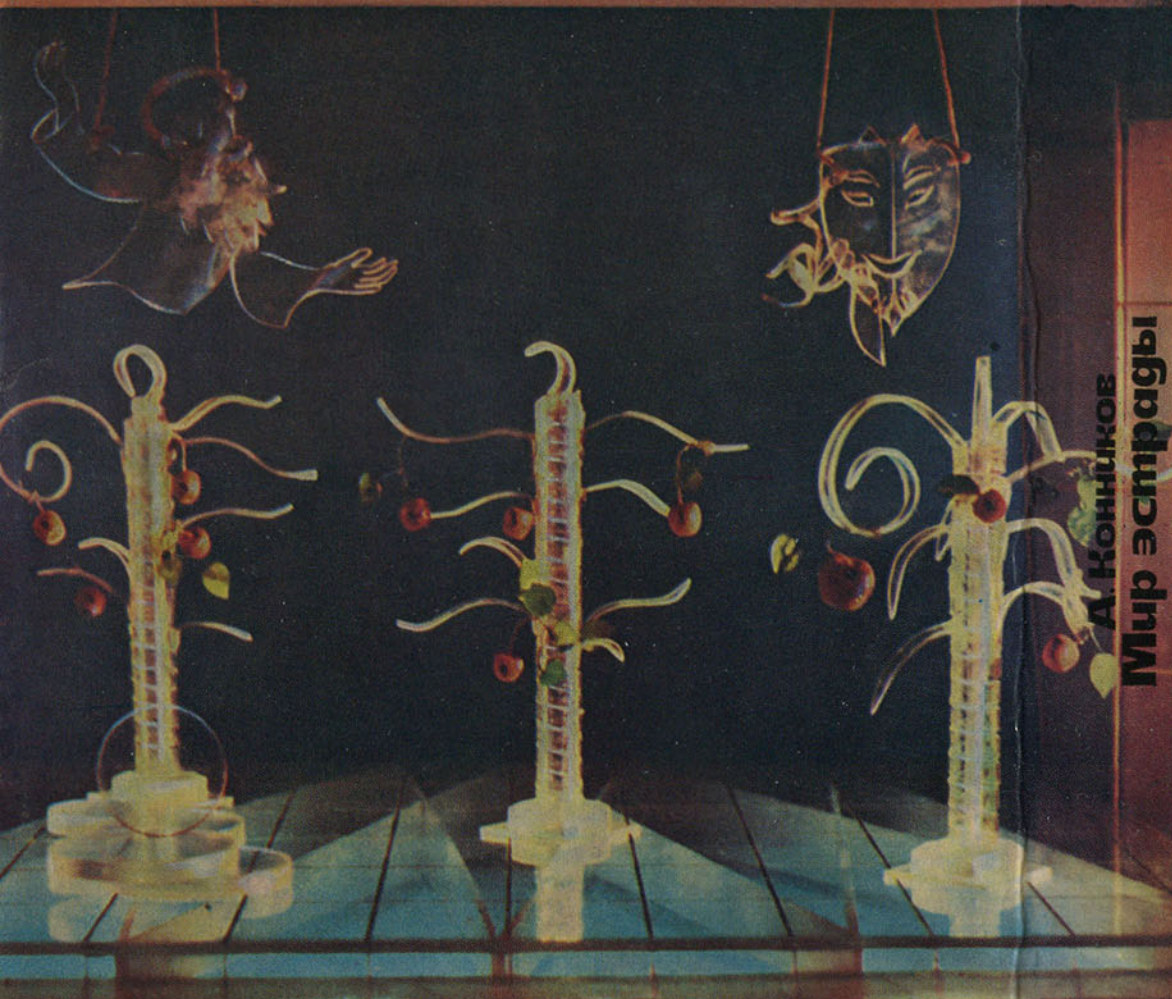

А. Конников

Мир эстрады

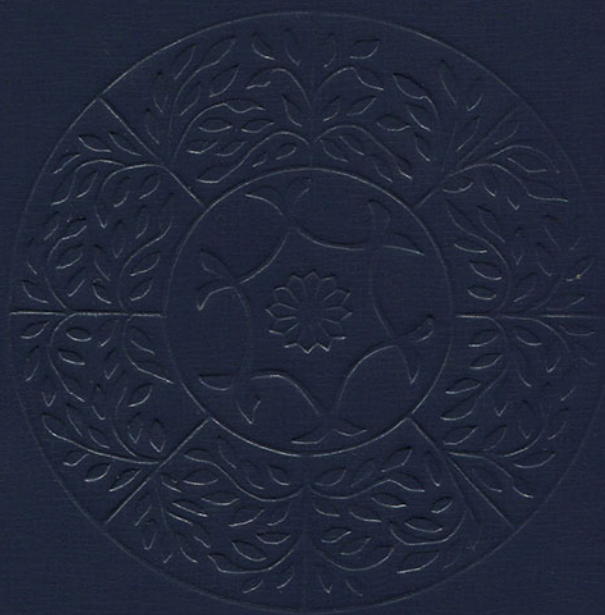

А. Конников
Мир эстрады

Цена 1 р. 80 к.

А. Конников
Мир эстрады

А. Конников

Мир эстрады

А. Конников Мир эстрады

Москва
«Искусство»
1980

ББК 85.364
К 64

К $\frac{80108-058}{025(01)-80}$ 64-80 4908000000

© Издательство «Искусство», 1980 г.

Такой же миной-сюрпризом представляется мне брошь на груди артиста, когда ее начинает видеть во сне нормальный славный парень.

Мне дороги все знаки внимания и любви, которые дарит эстраде публика. Кому бы ни хлопали, кажется, что и мне лично принадлежит капля тепла в этом взрыве обжигающих эмоций.

Но когда я вижу, как знаменитый певец сбегает с собственного концерта через потайной ход, мне становится не по себе. Однако я понимаю, что так поступает он не в порыве скромности, а в целях собственной безопасности. Артистический подъезд осажден толпой наэлектризованных поклонниц, и, если обожаемый певец им попадет, они могут буквально расчленивать его на бесценные сувениры. Когда поднимается эта заразительная волна истеричности, когда нормальное, естественное восхищение хорошим артистом перерастает в идолопоклонство, поток событий становится неуправляемым. Как далеко зайдет дело — предсказать невозможно. Вот о чем думаю я с тревогой.

А я это видел — в таких проявлениях, в таких формах, что, случись нечто подобное у нас, прохожие кинулись бы вызывать «скорую». Но то, что это «их», а не наши нравы, ни о чем еще не говорит. Разве не привыкли мы уже ко многому из того, что всего четверть века назад казалось принципиально чуждым нашей действительности?

Самой природе эстрадного искусства свойственна некоторая чрезмерность во всем, некоторый нажим. Не только в сатире, гротеске — даже в чистейшей, «сливочной» лирике. Помните, когда-то у Кобзона была любимая песня «А у нас во дворе». Про девчонку, которая живет по соседству. И скромненькая она, и неприметная. А мне вот понравилась именно она, и я теперь мучаюсь, потому что не знаю, как сказать ей об этом... Такой вот сюжет. Если вы попытаетесь сравнить его с безднами оперных или драматических страстей, окажется, просто нечего взять в руки. И потому эстрадный исполнитель должен где-то слегка нажать, что-то укрупнить, и только тогда он сможет предложить публике нечто достойное ее внимания (и в этом, заметим мимоходом, великое коварство эстрады: не всем удается соблюсти при этом чувство меры, проявить вкус...).

Чрезмерность эстрады — вещь небезопасная. Если дать ей волю, если ее распустить, возникнет феномен таких коллективов, как «Битлз». Много лет прошло с тех пор, и сами битлы сошли со сцены, и новые кумиры появились у молодежи, в том числе и у нашей, а я все не могу забыть впечатления, которое произвел на меня их концерт. Летом 1965 года владелец известного парижского мюзик-холла «Олимпия» господин Бруно Кокатрикс совместно с радиостанцией Европа-1 организовал два концерта ансамбля «Битлз» в парижском Дворце спорта. Я был приглашен на один из этих концертов.

Меня предупредили, что надо приехать не позднее чем за сорок минут до начала: иначе трудно попасть в зал. Но если бы меня не проводил один из администраторов, я остался бы на улице, приехав и на час раньше. Вся закулисная часть Дворца спорта была окружена полицией и грузовыми фургонами, поставленными колесо к колесу. В соседних переулках полицейские дежурили на машинах и мотоциклах.

Внутри — полное впечатление подготовленного к осаде опорного пункта обороны: вокруг сцены — три ряда металлических барьеров, подпертых бревнами. Двести полицейских охраняли здание и зал, сто профессиональных борцов, боксеров и самбистов стояли в проходах, прикрывая подступы к сцене. Десятки корреспондентов металась между рядами заграждений. За кулисами — атмосфера тревоги и опасности. Чтобы сюда попасть, надо было пройти многократный контроль.

Мне захотелось пить, и я спросил, где буфет. Через пять минут мне принесли кока-кола в мягком пластмассовом стакане. Оказалось, ни в здании Дворца, ни в ближайших бистро в этот день ничего не продавалось в бутылках: они могли быть использованы как оружие.

Очень быстро и шумно зал наполнила молодежь в возрасте от двенадцати до двадцати лет. Все уже были возбуждены: громко перекликались, свистели, пели. Некоторые были в черных рубашках с надписью: «Я люблю битлов», другие — в шапках с портретами знаменитой четверки. Кто-то был в масках, кто-то — с лозунгами в руках.

По залу были разбросаны листовки. Зрителей призвали вступать в клуб «Друзей битлов». Другие листовки были от имени администрации. Очень настойчиво и очень вежливо она просила публику не сходить с ума, не уби-

вать билетеров, не ломать стулья и вообще не давать своим поведением повода для вмешательства властей; если же опять произойдет «что-нибудь в этом роде», администраторы больше не смогут устраивать концерты столь любимых вами артистов.

Начался концерт. В первом отделении сами битлы не появлялись — выступали их подражатели. Всего выступило пять ансамблей: «Москитос» (в переводе — комары), «Джест» (то есть шутка, клоунская реприза), «Красные бобы» (что ничего более не значит), «Полевые птицы» (время от времени они пробовали чирикать, но вообще-то это были здоровые, волосатые, отнюдь не птичьего облика, небрежно одетые парни) и «Поллукс» (эти заимствовали свое имя у популярной в Англии телевизионной собачки, отличающейся большой волосатостью, — впрочем, в этом отношении они собачку значительно превзошли).

Пели все пять ансамблей одинаково. Разница была только в костюмах и подробностях исполнения. Солист «Джест», играя на контрабасе, сумел по диагонали проскакать всю тридцатиметровую сцену на одной ноге. Зато певец «Поллукс» сбросил пиджак, сорвал галстук и выпростал из брюк лиловую рубашку. К счастью, песня на этом кончилась.

Рядом со мной сидел знакомый импресарио. Я спросил у него: «Зачем в программу включены эти явно третьесортные артисты?» «Не важно, — ответил он, — какого они уровня, важна их манера, их стиль: доходить до иступления, кривляться, кричать, рвать на себе одежду, ложиться на пол, не выпуская при этом из рук микрофона, прыгать, визжать. Акробата, фокусника, даже певца, поющего по-другому, публика просто разорвала бы в клочья. А какие-то заполнители концертного времени необходимы, потому что сами битлы больше тридцати минут работать не могут».

Мой сосед оказался прав: зал был далек от того, чтобы оценивать качество исполнения. Не успели «москиты» немного попеть, как какая-то девица, растрепав волосы и разодрав на себе одежду, с диким воплем кинулась к сцене. Это она сделала, предварительно вскочив на стул, наверное, чтобы было виднее. Ее перехватили телохранители, поволокли, как бревно, к выходу, там раскачали и, ее же собственной головой распахнув двери, выкинули вон. Дела боксерам и самбистам хватало. Очаги истерии

вспыхивали то справа, то слева, истерические всплески волнами расходились в битком набитом громадном зале. Зрители, сидевшие на галерее, начали раскачиваться в такт и топтать. Если бы туда не устремилась полиция, все сооружение могло бы рухнуть на головы сидящих внизу. Полицейские стукнули дубинками по голове двух или трех зрителей — и порядок был временно восстановлен. Громкие динамики работали на пределе, непереносимая сила звука давила на психику.

Антракт не принес разрядки: ждали «самых». Из закулисных помещений выгнали всех посторонних. Их личные телохранители, не допуская никого из рабочих сцены, вынесли на эстраду инструменты и радиоаппаратуру. Сцену запутало множество электропроводов. Сомкнулись ряды боксеров и самбистов, и из верхнего закулисного помещения спустились четверо молодых парней. От всех, кто бесновался на сцене в первом отделении, они резко отличались даже внешне: хорошо спитые темные костюмы, аккуратно причесанные длинные волосы, собранные, даже элегантные ребята.

Я хотел засечь продолжительность орации, которую устроил им зал, нажал кнопку хронометра, но вскоре понял, что это бессмысленно: орация не смолкала, пока певцы были на сцене, все тридцать пять минут. Они пели непрерывно, без пауз, а зал пел вместе с ними, отбивая ритм руками и ногами, размахивая платками и их портретами. Истерика стала всеобщей; визг, вой, истошные, как во время шаманского сеанса, крики заглушали даже чудовищно усиленные динамиками пение и игру. Уже не одиночки, а целые группы девчонок, человек по сто-двести, колотились в истерике. Метались фоторепортеры, выбирая самую эффектную истеричку. И это тоже подливало масла в огонь: истерички боролись за первенство. Многие сломя голову кидались к сцене. Их перехватывали и уже знакомым мне способом выпшывали вон. Многие истопно рыдали. Было непонятно: что происходит?

Битлы пели ровно тридцать пять минут, потом ушли и не вернулись даже на поклон. Мне объяснили: после последней песни они падают за кулисами без сил — темп, ритм выступления, сильнейший эмоциональный заряд, с которым они делают все, выматывают их до предела. Кстати, они не кривлялись, не прыгали на одной ноге, не валялись по полу и не раздевались.

Зал после концерта напоминал поле битвы. Обломки стульев, обрывки одежды. По углам плакали навзрыд двести-триста девочек, растерзанные, с дико разлохмаченными волосами: у них не было сил пережить «страшную трагедию» — прощание с божеством.

Газета «Франс-суар», одна из самых могущественных и многотиражных газет Франции, поместила в тот вечер три информации. На авиасалон прибыли американские космонавты. Неподалеку от аэропорта «Бурже» разбился самолет. Где-то в Африке произошел государственный переворот. Каждому из этих событий было посвящено по нескольку строк на шестой, седьмой, пятнадцатой страницах, зато первая полоса вся целиком была посвящена приезду в Париж битлов. Дочь редактора этой газеты, девочка тринадцати лет, сказала отцу: «Наконец-то ты понял, о чем нужно писать в твоей газете!»

А те тридцать пять минут, что они пели, были неизбежны. Прекрасные певцы и прекрасные музыканты. Много хороших, сохранивших народный дух шотландских мелодий. Банальные, но очень человечные темы: любовь, свидание, красота родной природы, радость и слезы. Никакой пошлости и дешевки. Огромный эмоциональный напор и полная внутренняя самоотдача. Во всем чувствовалась яркая индивидуальность, талант, труд. Но никому в зале до этого не было никакого дела.

С концерта их увели подземным ходом и увезли в другой отель, не тот, где они первоначально остановились. Все это держалось в строжайшем секрете, ибо все выходы и весь путь до первого отеля были окружены толпами ревущих людей, с которыми полиция уже ничего поделать не могла.

Дикий, чудовищный обряд, неуправляемая цепная психическая реакция... А может быть, наоборот, управляемая? Как сообщали в нашей печати исследователи «массовой культуры», за каких-нибудь восемь лет триста миллионов пластинок «Битлз» буквально засыпали земной шар. Как показывают опросы, семьдесят процентов юношей и девушек проводят перед проигрывателем большую часть свободного времени. Стоит ли удивляться, что ни одна книга, появившаяся за эти же восемь лет, не оказала столь сильного влияния на мироощущение молодежи, на ее моды, язык, поведение.

«Я не знаю за что, но от имени империи награждаю

вас!» — так будто бы сказала королева Англии, вручая ордена четырем парням из Ливерпуля. Ее величество сомневалась напрасно: они свою награду заработали.

Я поражался, читая доктора Спока. Все другое: полушарие, климат, язык и социальная среда. Там непонятные мне предрассудки, там верят в то, над чем я смеюсь, а то, что они едят, я не согласился бы есть даже по строжайшему врачебному предписанию.

А дети у нас, оказывается, одинаковые. Их выходки, как описывает Спок, их словечки, их вывернутая наизнанку, но несокрушимая логика, — мне все время казалось, что это про мою дочь.

Значит, и от этого массового идолопоклонства, отвратительного своим темным подкорковым напором, наши дети тоже не застрахованы?

Порой мне кажется, что мы не видим эту опасность или недооцениваем ее.

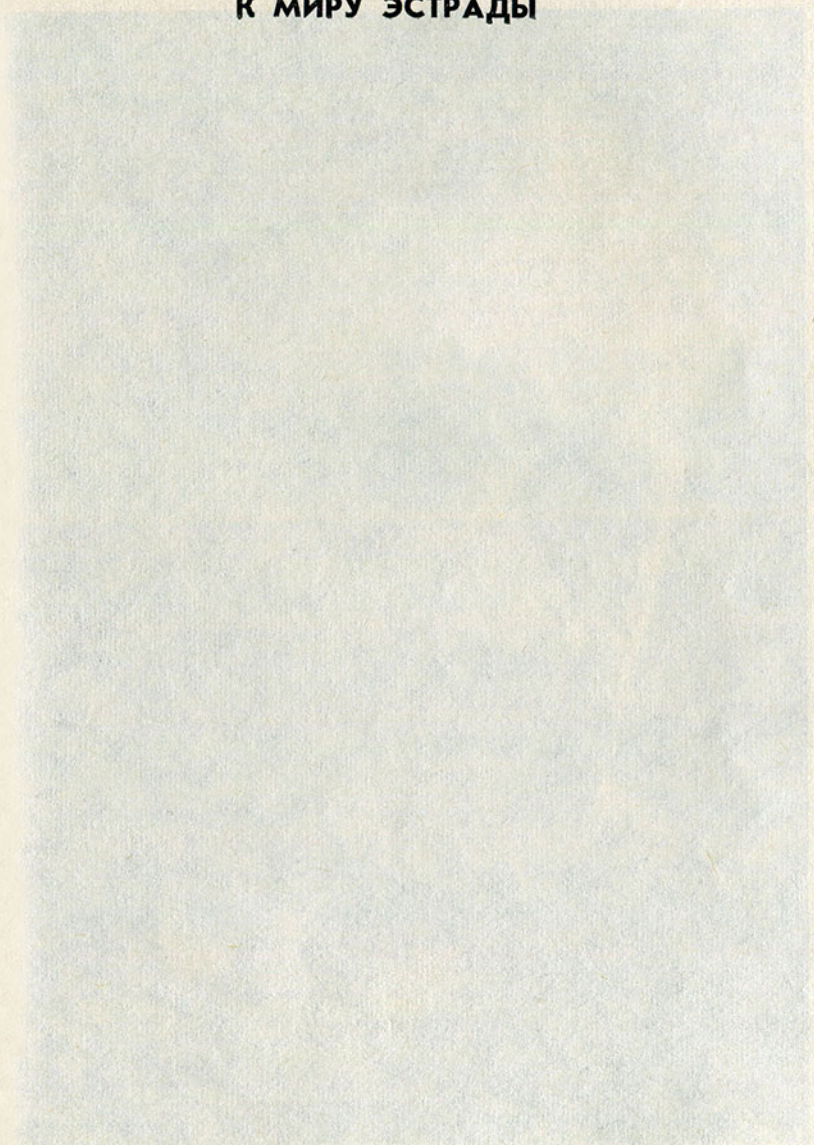
Эстрада — мой мир, моя стихия. Я на «ты» с ее корифеями, без которых не обходится ни один искусствоведческий реестр. А с ними уже вот-вот сравниваются артисты, которых я имею право любить как своих учеников. Я видел ее триумфы и оплакивал тяжелейшие провалы, я могу считать себя профессионалом, если подразумевать под этим словом мастерового, который про каждую вещь знает, как она сделана, как ее чинить и как переделывать.

Но роль и место эстрады в современном мире мне кажутся порой непостижимыми.

И возникает жгучее желание — разобраться, понять, представить себе, куда мы все движемся, что будет завтра.

Так появилась на свет эта книга.

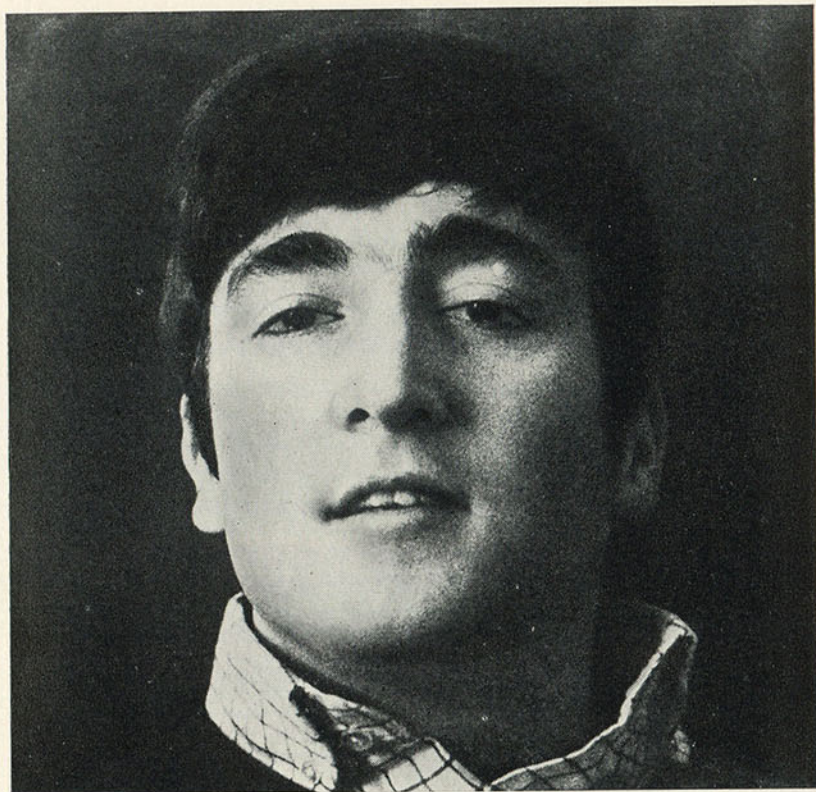
**НЕМНОГО ИЛЛЮСТРАЦИЙ
К МИРУ ЭСТРАДЫ**

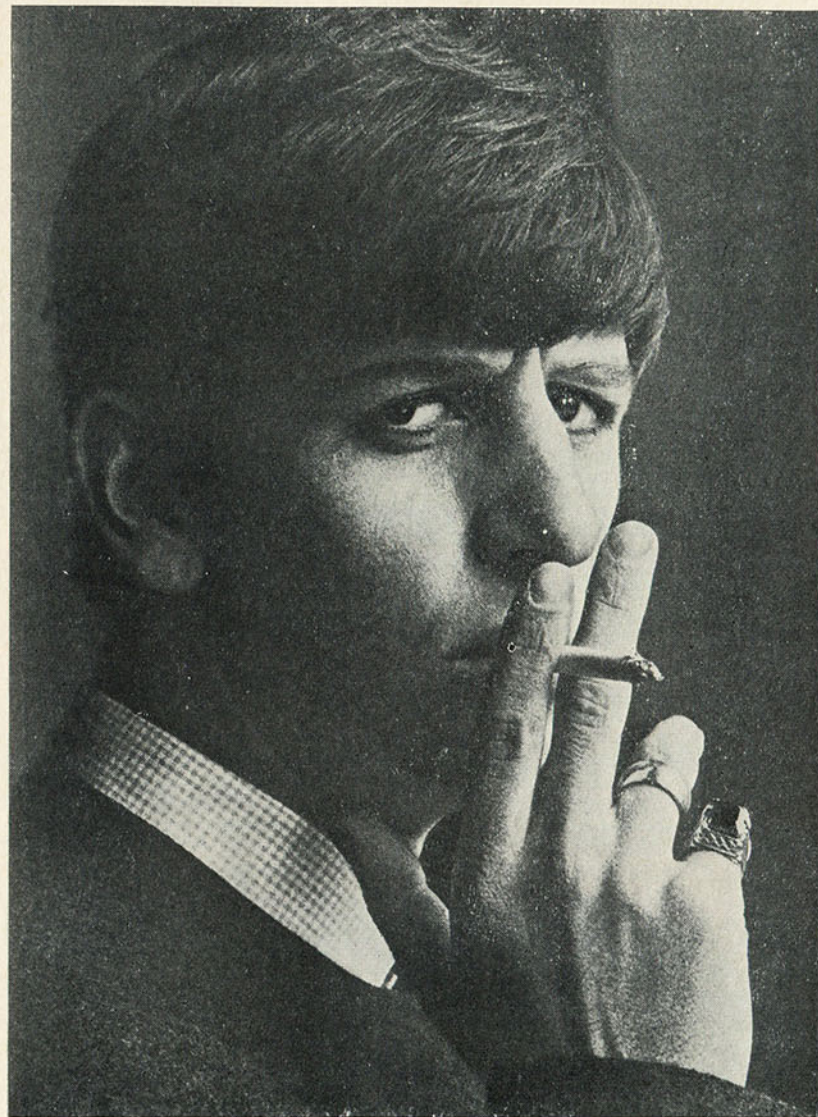
1950 1951

Издательство «Искусство»
Москва

Джон Леннон

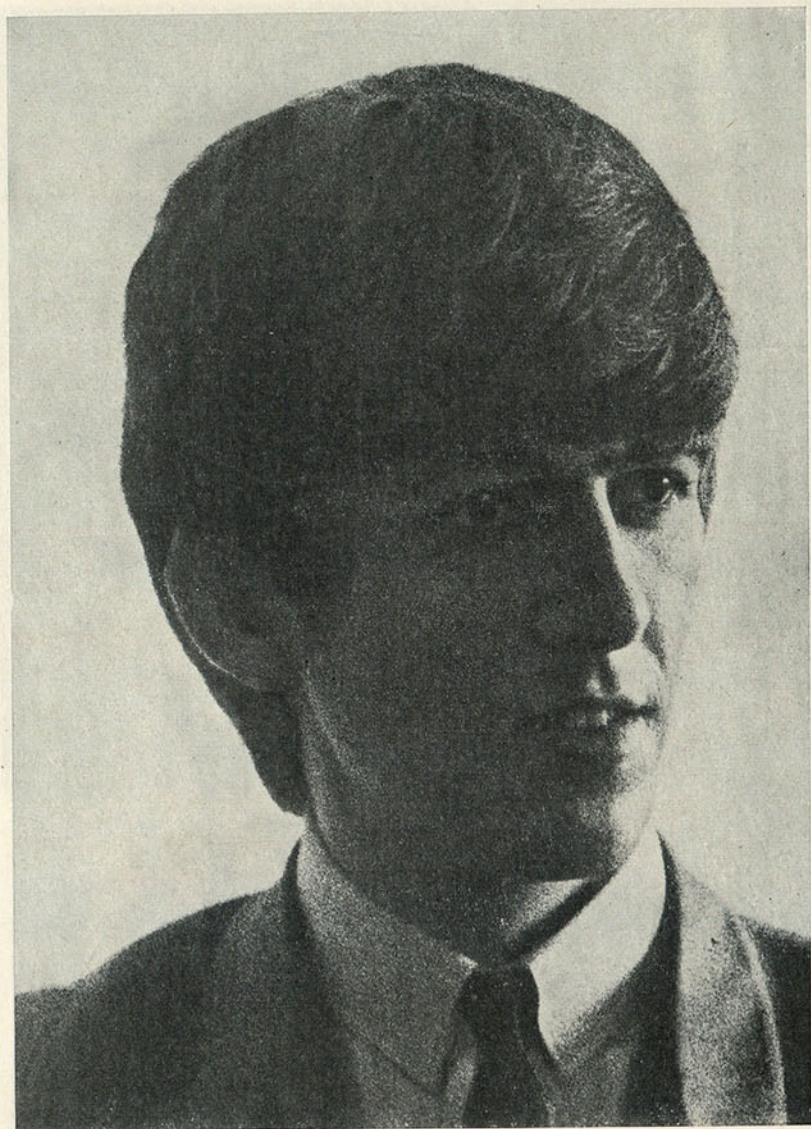

Ринго Старр

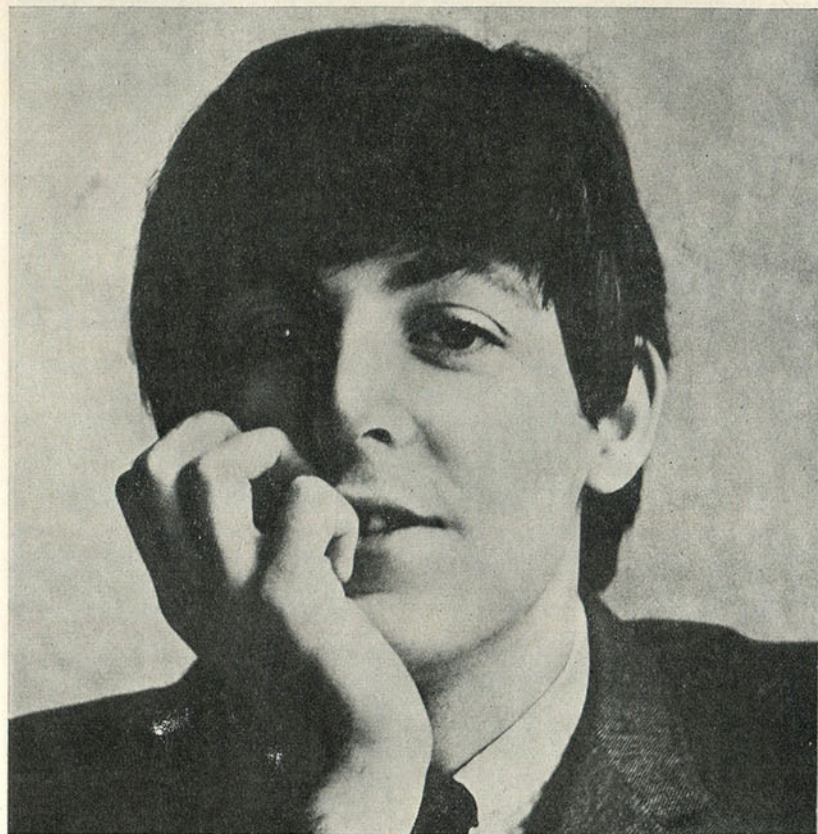

Джон Леннон, Ринго Старр, Джордж Харрисон и Пол Маккартни — знаменитая четверка ансамбля «Битлз». Прекрасные певцы и прекрасные музыканты. Темы их песен: любовь, красота родной природы, радость и слезы. В исполнении — огромный эмоциональный напор и полная внутренняя самоотдача

Джордж Харрисон

Пол Маккартни

Певцы ансамбля «Битлз» — единственные из эстрадных артистов, которым было присвоено звание пэров Англии

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление в книгу

3

Мои эстрадные университеты

14

Законы творчества на эстраде

40

Этика эстрады

64

Эстрада и жизнь

106

«Секреты Парижа»

153

Я — режиссер

200

И напоследок

249

Конников А. П.

К Мир эстрады. — М.: Искусство, 1980 г. — 272 с.,
32 л. 64 ил.

В предлагаемой книге А. П. Конников, заслуженный деятель искусств РСФСР, известный режиссер, создатель и руководитель Московского мюзик-холла, а в последние годы — художественный руководитель Московского театра эстрады размышляет о роли эстрады в современной жизни, анализирует проблемы индивидуальности эстрадного исполнителя, рассматривает роль режиссера-постановщика и режиссера-организатора на эстраде. Автор рассказывает о творческой практике мастеров советской и зарубежной эстрады. Книга написана легким и увлекательным языком. Адресована она как деятелям искусства, так и широкому кругу читателей.

К 80108-058 64-80
025[01]-80

ББК 85. 364
792. 7

**Александр Павлович
Конников**

МИР ЭСТРАДЫ

Редактор
И. Л. МАКАРШИНА

Художник
М. Р. ЛЕВИНА

Художественный редактор
Л. И. ОРЛОВА

Технический редактор
Е. З. ПЛОТКИНА

Корректоры
Л. С. АПАСОВА и М. Л. ЛЕБЕДЕВА

И. Б. № 763

Сдано в набор 02.08.79. Подп. к печ. 25.02.80. А 04473. Формат издания 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Высокая печать. Усл. п. л. 17,746. Уч.-изд. л. 18,168. Изд. № 14887. Тираж 25 000. Заказ 5222. Цена 1 р. 80 к. Издательство «Искусство», 103009 Москва, Собиновский пер., 3. Московская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Мало-Московская, 21.

